

Исследование социальной реальности методами философской феноменологии

Н. Н. Равочкин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Статья посвящена анализу возможностей применения методов философской феноменологии к осмыслению социальной реальности. Репрезентированы закономерности, усложняющие и по-новому организующие социальную реальность. Отмечен кризис методологических оснований в исследовании общества. Представлена история создания философской феноменологии Э. Гуссерлем и последующее развитие ее методов. Раскрыты прикладные возможности применения феноменологической методологии и доказано, что коммуникация и смыслы составляют основу intersubjective взаимодействий. Показано, как разворачивается современная социальная реальность. Обозначена важность интерпретативных процедур для адекватного понимания существования социальной реальности.

Ключевые слова: социальная реальность, феноменология, intersubjectivity, смысл, индивид, интенциональность, интерпретация.

Social reality study by philosophical phenomenology methods

N. N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the possibilities of the methodology of philosophical phenomenology as applied to understanding social reality. The analysis of the laws occurring in the world, complicating and organizing social reality in a new way, is presented. The crisis of the methodological foundations of the study of society is noted. The history of the creation of philosophical phenomenology by E. Husserl is presented. The main categories and essence of the application of the phenomenological methodology are shown. The analysis of the subsequent development of the studied philosophical tradition is carried out. The applied possibilities of applying the phenomenological methodology are disclosed. It is proved that communication and meanings form the basis of intersubjective interactions. The way modern social reality unfold is shown. The importance of interpretative procedures for an adequate understanding of the existence of social reality is indicated.

Keywords: social reality, phenomenology, intersubjectivity, meaning, individual, intentionality, interpretation.

Сегодня мировая динамика уже давно вышла за рамки линейности: развитие практически всех обществ происходит дискретно, зависит от стоящих перед ними вызовов, а принимаемые государственные решения в различной степени отклоняют движение от желаемой

траектории. Кроме того, ставшие объективными процессы глобализации, информатизации, технологизации и цифровизации только усложняют и усугубляют намеченный абрис, создавая новые типы современных социальных систем, а также пространств и форм человеческого общежития.

Представленное положение дел актуализирует для социально-философских исследований сразу две проблемы. Нетрудно догадаться, что первая из них связана с самой социальной реальностью, тогда как вторая касается теоретико-методологического кризиса, который мы наблюдаем в современных исследованиях общества. Во многих дискуссиях с уважаемыми коллегами, протекающих в различных форматах, отмечается отсутствие социальных теорий, которые бы адекватно отражали современный мир и организации общественной жизни. Потребность в таких интеллектуальных продуктах соответствует духу философии XXI столетия, поскольку их прикладное назначение видится нам в предоставлении инструментария для управления социальными процессами в целях недопущения их выхода из-под контроля и дальнейшего беспрецедентного усложнения общественной жизни.

Если рассматривать истоки социальной философии и ее историю вплоть до наших дней, можно понять, что интеллектуалы самых различных школ и направлений обращались к осмыслению социальной реальности как специфической системы со свойственным ей плюрализмом объективированных процессов и феноменов. Проще говоря, к интегральному результату объективизации субъективной деятельности индивидов, порождающему целый ряд разного рода проблем.

Необходимость обращения к философским позициям, которые бы позволили построить картину, как отражающую проявления сущности и функционирование этого многообразного и сложного объекта, так и обеспечивающую возможность построения наиболее полных социальных теорий в целом подтверждается при обращении к современным научным трудам.

Изменения в выборе вектора методологии исследования всегда изменяют его результат, поскольку руководство тем или иным подходом позволяет выявить такие стороны объекта, которые не определяются другими методами. Неклассические варианты постижения социальной реальности не только объединяют философов в поиске решений теоретико-методологических проблем и преодолении сложностей при исследовании, но и главным образом обеспечивают их солидарность в поисках ответов на вопрос: «Как оно показывает себя (в рамках определенной традиции) на самом деле?». Вместе с тем следует напомнить, что исследование социальной реальности с позиции определенной философской методологии буквально «заключает» автора в рамки соответствующей картины мира, а результат осмысления всегда будет отражать реализацию выбранной автором методологической позиции и установки.

В целях раскрытия сущности одной из неклассических концепций XX столетия, коей является феноменология, обратимся к труду знаменитого немецкого мыслителя современности Э. Гуссерля. Ведущей предпосылкой создания феноменологической философии стала проблема обоснования знания [4; 22]. Общеизвестно, что генезис феноменологической методологии берет начало в критике позитивизма, прежде всего в части критики эмпиризма. Что касается интересующей нас социальной сферы, то здесь среди основных причин создания феноменологической философии следует отметить слишком явное разделение субъекта и объекта познания, а также чрезмерную натурализацию протекающих в обществе процессов. Действительно, стоит задаться вопросом: а можно ли все социальное свести к причинным связям? На наш взгляд, ответ очевиден, тем более что естественные установки маркируются Гуссерлем как наивные, поскольку наиболее адекватны для повседневной жизни.

Согласно позиции Гуссерля, помимо собственно натурализма, релятивизм и скептицизм также представляют собой угрозу для

науки XX столетия. Основными формами двух указанных принципов являются: историзм, утверждающий относительность истины в зависимости от социального, культурного и временного контекста, и психологизм, переводящий логические процедуры в сферу «науки о душе». Устранение данных детерминант необходимо, прежде всего, в целях преодоления широко распространенного заблуждения, ассоциирующего «истину» с «правдой». Последняя, в отличие от истины, может быть таковой для одного субъекта, являться отчасти «правдой» по мнению другого, представлять полную противоположность «правде» для третьего. Общеизвестно, что такое положение дел в корне противоречит сущностным характеристикам истины. Немецкий философ полагал, что истину не выводят из фактов, поскольку она является абсолютной, вневременной и уж точно не может быть детерминирована эмоциями.

За основу этой «чистой области научно-го анализа» берется рефлексия сознания, а «исходным пунктом феноменологии была попытка рассмотрения внеопытных и внеисторических структур сознания, которые обеспечивают его реальное функционирование и совпадают с идеальными значениями, выраженными в языке и психологических переживаниях» [14, с. 12]. В научной статье И.В. Кирсберга феноменологии придается статус «так называемой расширенной эпистемологии, когда вера, чувства, воля — любые ценности кажутся своего рода знанием, — пусть сверхразумным или смутным» [7, с. 160]. Из этого следует, что феноменология ориентируется на поиск решений теоретико-познавательных проблем, а именно «достижение достоверного фундамента человеческого знания — “твердой породы” научного мышления и любого рационального суждения вообще» [19, с. 29], — на цель, которая не может быть подвергнута сомнению. Исследователи С.А. Песина и П.С. Тарамышева указывают, что сам Гуссерль подлинную проблему своей философии определяет как «смыслополагание мира»,

а сознание рассматривается им как единственное «поле придания смысла» [12, с. 133]. Для Гуссерля характерно, что в своем беспредпосылочном учении о сущности познания он разделяет знание и понимание.

Чтобы высвободить философию из натуралистическо-объективистских установок и создать новую область знания¹, Эдмунд Гуссерль предлагает уникальную методологию, которая называется «феноменологическая редукция», или «эпохе» (ἐποχή). Основная суть эпохе мыслилась основателем философской феноменологии как воздержание от суждений (о мире, о существовании всего, что можно подвергнуть сомнению), отвлечение от случайного в восприятии и последующий перенос внимания на «мир сознания» [5]. Результатом устранения эмпирии является «редуцированный феномен», обнаружение постоянной активности сознания, которое позволяет произвести перемещение на почву «чистого сознания», определяемое как «смоделированное феноменологией сложное единство структурных элементов и сущностных взаимосвязей сознания» [8, с. 84]. Направленность процесса сознания трактуется Гуссерлем как «интенциональность», а «феномены» — как единство идеального предмета и смысла, причем они существуют в «чистом сознании» и за ними не стоит никакая сущность, поскольку они очевидны и тем самым показывают сами себя через себя же.

Перед тем как перейти к стадии «трансцендентальная редукция», отметим следующее: важно запомнить, что в феноменологии сознание выступает как необратимый поток, который всегда активен, структурирован, относительно упорядочен и имеет направленность на «внутренний предмет». Постигнув языковое выражение феномена, исследователь начинает движение к смыслам как «полагаемым интенциональным предметностям». Трансцендентальная редукция и «отсечение» суждений об отношении результатов воспринятой предметности к трансцендетным объектам в контексте философской феноменологии открывает перед

¹ Понимаемая как рефлексия сознания о собственных актах и содержании, которое дается в них.

субъектом восприятия возможности для одновременного соединения как априорных, так и описательных процедур. Именно так можно наглядно представить, как именно индивид движется к чистым переживаниям, буквально означающим «корреляты сознания». Общеизвестно, что здесь принципиальная роль отводится интенциональности *cogito*, которая обеспечивает восприятие в достаточно сложной системе, насчитывающей большое количество *cogitationes*. Поэтому вполне логично предположить, что у индивида имеется определенный опыт не только восприятия мира, но и его последующего категорирования в собственном сознании.

Субъект словно выключает предмет интенции из обыденных натуралистических связей, но одновременно с этим, для совпадения чистой предметности и чистой субъективности, производит с интендируемым предметом операцию «заклучения в скобки» [4; 8]. Применительно к рассмотренной процедуре дадим пояснение самого Гуссерля: «То обстоятельство, что бытие мира (даже когда он сам по себе дан в очевидности) трансцендентно сознанию и с необходимостью остается трансцендентным ему, ничего не меняет в том, что только в жизни сознания <...> конституируется всякая трансцендентность, и что только эта жизнь <...> несет в себе неотделимый от нее смысл. В конечном счёте, только раскрытие горизонтов опыта проясняет действительное существование мира и его трансцендентность и показывает затем, что он неотделим от трансцендентальной субъективности, конституирующей смысл и действительность бытия» [5, с. 398].

Прежде всего следует отметить теоретическую значимость гуссерлианской феноменологии, поскольку она предполагает последовательное формулирование и выстраивание «сложноопосредованной, многослойной модели сознания (схватывающей реальные особенности сознания, аналитически исследующей каждую из них и их взаимопересечение с помощью ряда конкретных процедур феноменологического

метода)», более того, дает реальную возможность «особой теоретико-познавательной, онтологической, метафизической интерпретации этой модели» [18, с. 175—176]. Смена аналитического аппарата в неклассической философии и обращенность исследователей к феноменологии оправдывается главным образом возможностями этого направления философии обеспечить понимание логики множества существующих миров. О.А. Доманов отмечает важнейшую характерную черту феноменологии: исследуемые ей объекты имеют «различные степени сходства и различия» [6, с. 95].

Итак, Гуссерль показывает, что интенциональность и неотделимые от нее интенциональные феномены в конечном счете конституируют сферу достоверного и неопровержимого знания. Таким образом, феноменологическая философия сосредоточивает свое внимание на интенциональных объектах. Заметим, что до сих пор мы не рассмотрели прикладные возможности феноменологии относительно социальной реальности. Вместе с тем именно здесь можно отметить излишнюю увлеченность Гуссерля теоретическим обоснованием разрабатываемого направления, что повлекло за собой множественные импульсы критики его позиции.

Действительно, XX столетие актуализирует практические возможности способов философствования. Развертывание прагматической природы философии подразумевает, что познание не только обратится к познавательной деятельности, но также будет учитывать оценочные практики, что позволит преодолеть односторонний характер любых философских концепций. Основатель философской антропологии Макс Шелер, согласно работе О.Ю. Гусевой, одним из первых пытался раскрыть практические возможности феноменологии, для чего определил центральное место аксиологическому измерению бытия человека и анализу ценностных феноменов в своих исследованиях [4;20].

По Шелеру, смысл может проявиться в оценках, а ценности есть те феномены,

существование которых попросту невозможно без интенциональности сознания, по причине того, что бытие представляет собой коррелят сознания: «Ценность всегда дана в эмоциональном созерцании, ее невозможно вывести путем абстрагирования из общих свойств предметов и явлений и выразить в формах логического мышления. Однако Шелер ни в коем случае не помещает ценности в субъективную сферу, они не в предметах и не в сознании» [4, с. 19].

Революционная новизна феноменологических идей, как и разрыв данного направления — в плане преемственности — с большим количеством философских школ определили достаточно широкий охват новой традиции, что, по сути, коснулось всех разделов философского познания. Так, Г. Шпигельберг, отмечая динамичный характер нового учения и большую значимость феноменологии для этики, указывает, что развитие данной концепции «определяется как внутренними принципами, так и “вещами”, со структурной территорией которых ей приходится сталкиваться» [21, с. 20]. Поясняя природу заявленных Шпигельбергом принципов, Л.Н. Румянцева делает акцент на самих правилах феноменологической методологии [15].

Несомненно, что трансформации вследствие интеллектуальной динамики, характерные для любого направления, могут достаточно продуктивно сказаться и на его методах. Так, одним из методов, кроме рассмотренной редукции, является «феноменологическая дескрипция, т. е. описание как самих интенциональных объектов, так и тех способов, с помощью которых они даются сознанию» [3, с. 78]. Также довольно большая роль в феноменологии отводится интуиции, которая в определенной степени позволяет исследователю выйти за пределы господствующего знания. Вопросы о целостности традиции и ее существовании в качестве единого идейного течения были подняты на Круглом столе к 150-летию Гуссерля, в рамках которого участники пришли к выводу о достаточно высокой практической значимости феноменологического

проекта, отмечая главным образом его влияние на экзистенциальную философию, занятую осмыслением бытия человека [17]. Еще одним важным комментарием к активности современного феноменологического движения становится очевидный факт, что его последователи руководствуются большим количеством идей, чем изначально выработал и предложил Э. Гуссерль.

Влияние феноменологии также привело к изменениям в социальной философии. В XX столетии одной из центральных в этом разделе философского знания становится проблематика социальной реальности. Главной заслугой Гуссерля в целом является выработка им понятия «жизненный мир» [5]. Развитию этого раздела социальной философии в большей степени способствовало обращение к теме повседневности, обуславливающей существование человека в его мире самим миром. Общеизвестно, что повседневность отличается и от мира вещей, и от мира идеализаций. В этом аспекте целесообразно согласиться с К.И. Потаповой, что социальная реальность является способом существования с другими субъектами в отношениях взаимной зависимости и предстает «как диалектическое единство объективного и субъективного смысла реальности» [13].

Интерсубъективность фундирует весь плюрализм актуальных и потенциальных взаимодействий, а также особенности создания людьми множественности миров (установление границ, рамок). Отсюда следует, что социальная реальность является миром отношения индивида к индивиду, что можно выразить через модель взаимоотношений «Я — Другой». Взаимодействия между индивидами на основе со-причастности и расположенности обуславливают создание единого мира, который представляет собой «универсальный горизонт любого возможного опыта» [13, с. 183]. Главное отличие социального мира от мира природы Л.А. Харитонов видит в следующем: «Социальный мир создан и изначально осмыслен человеком <...> нельзя игнорировать конституированного характера социальных

явлений как продуктов осмысленной деятельности людей» [19, с. 30].

Переосмыслив и переработав идеи Гуссерля и других последователей феноменологической традиции, П. Бергер акцентирует внимание на гуманизации повседневности, что позволяет выйти за ограничительные рамки субъект-объектной парадигмы и репрезентировать для социальной философии специфику бытия человека, изучение становления которого попросту невозможно без обращения к самосознанию. Вследствие этого на первый план выходит и ставшая ключевой для современной философии проблема понимания. Решение новой проблемы М.К. Мамардашвили связывал с необходимостью обращения к сознанию, что происходит де-факто в большинстве работ по социальной философии [9; 11]. Итак, если ранее считалось, что социальная реальность предшествует субъекту, то благодаря философской феноменологии на первый план выходит тезис, что именно субъект самостоятельно создает ее. Интерпретация, понимание и смысл — категории, которые в недостаточной степени занимали внимание классической философии, приобретают чрезвычайную важность благодаря феноменологии, в особенности это касается аспектов проявления взаимодействующих модусов познавательных интенций (поскольку понимание есть основа познания) человека и конституирования людьми собственных миров. С позиции феноменологии, наверное, трудно найти более доходчивое категорирование интерпретации, чем «мысль о мысли» О.Д. Агапова, поскольку именно в интерпретациях «сознание читает само себя, где в процессе мышления происходит переосмысление прежних результатов мышления (самосознание). Познанный мир являет собой «картину мира», структуру сознания, способную к изменению, дополнению, образованию новых структур знания, ибо “действенная мысль — это бесконечно себя моделирующая действительность”» [1, с. 107]. Интерпретативные практики позволяют мыслям пребывать в постоянной динамике через их возрождение и последующую фиксацию в качестве знаний.

Применительно к проблеме исследования сознания важно отметить, что А.В. Волков определяет жизненный мир как комплекс intersubъективных значений и смыслов, которые не просто используются конституирующим собственным мир индивидом, но разделяются людьми, живущими в определенном сообществе, — с учетом предшествующего и современного поколений: «Последнее обстоятельство особенно важно, ибо, будучи коллективным опытом, транслируемым от поколения к поколению, жизненный мир действует в своих носителях неявно, на манер привычек, стереотипов, автоматизмов сознания, неких алгоритмов, программ осмысления и поведения. Можно сказать, что жизненный мир — это “бессознательное” социального субъекта» [3, с. 82].

Если согласиться с утверждением Бергера, что повседневность становится для людей высшей реальностью, в которой происходит генезис значений и смыслов, то логично вывести, исходя из плюрализма потребностей, что отсюда же вырастают многочисленные категории и теории [2]. Справедливо сказать, что существование человека вряд ли возможно помыслить как полностью бездейственное, то есть абсолютно закрытое от процессов экстернализации. Образуя intersubъективные связи в процессе коммуникации, человечество своей деятельностью создает социальные явления. В связи с этим необходимо отметить вклад в феноменологию Э. Левинаса — по той причине, что именно благодаря его теории привычная для феноменологии единичная гуссерлевская предметность развивается до множественности смыслов [23].

Действительно, общество как объект социальной философии предстает перед исследователем в качестве огромной «территории» смыслов, которой присущи «флуктуации» — конкуренция и актуализация [2; 16]. Имеющие привязку к конкретной сфере социума смыслы, начинаясь с активности индивидов, вступающих в связи и образующих определенные отношения, по большей части создаются профессионалами, т. е. теми,

у кого есть в этом мире значительный опыт. Как известно, современная социальная философия уделяет большое внимание проблематике общественного порядка. Таким образом, жизненный мир по своему содержанию будет дан нам в виде мира социального, функционирование которого обеспечивается институтами, однако эти установления, как и иные, будут выступать как комплексы смыслов, которыми люди наделяют этот социум. Феноменология, пройдя через интеллектуальные трансформации, делает очевидными такие чуждые для классической социальной философии объекты, как повседневность и взаимодействие между людьми на коммуникативно-смысловой основе [14].

Динамика развития феноменологического направления свидетельствует, что на передний план сегодня выходит уже не объективирующая, но именно коммуникативная функция языка. Таким образом открывается широкий круг возможностей для понимания проблемы продуцирования значений языковых выражений и последующего усвоения их смыслов. Упоминаемые в нашем исследовании С.А. Песина и П.С. Тарамышева отмечают, что «результат созерцания сущности предмета должен быть в конечном итоге каким-то образом выражен вовне, а это вряд ли возможно без использования языка. Поэтому феноменологический анализ, предполагающий исследование отдельных смысловых структур языковых выражений, должен основываться на теории языка, а не рассматриваться в качестве явления полностью независимого от теоретических установок и достижений лингвистики и философии языка». [12, с. 135]. Такое обращение к работе лингвистов вовсе неслучайно, поскольку помогает гораздо лучше понять процессы институционализации. Социальные институты, согласно Д. Нортгу, выступают в качестве «правил игры» и тем самым контролируют поведение людей, предполагая определенные санкции за резкое

удаление от установленных моделей как предопределенных образцов поведения [10]. Генезис любых институтов начинается именно с коммуникативного взаимодействия двух субъектов, когда действия *Другого* предсказуемы, поэтому итоги такого контакта относительно легко предвидеть и спрогнозировать. В последующем, с развитием коммуникации и расширением круга вступающих в нее субъектов «институциональный мир, существовавший в первоначальной ситуации <...> теперь передается другим» [2]. Феноменология позволяет рассматривать институт как средство типизации привычных действий, разделяемых индивидами определенных социальных групп [14; 19]. Именно так происходит объективация результата человеческой деятельности, — объективация институтов как социальных интеграторов, которые постоянно нацеливают индивидов на воспроизводство их (со)обществ и соответствующих отношений². В свою очередь, связь между индивидом и конституируемым социальным миром маркируется не иначе как «диалектическая».

Развертывание современной социальной реальности уже давно вышло из колеи линейного пути, более того, даже топологический вариант, предлагаемый П. Бурдьё, по мнению К.И. Потаповой, не будет полностью адекватен и не сможет дать ее исчерпывающего описания [13]. Высокий уровень (само)сознания и умение мыслить — в значении обладания интерпретативными навыками — становятся важными для современного человека, напрямую определяя успешность его включения в различные по масштабам герменевтические поля, создаваемые теми или иными группами. Сегодня общество продуцирует и транслирует огромное количество идей, часть которых может стать инструментом для преодоления социальных кризисов, а некоторая, даже наиболее маргинальная часть — и вовсе будет претендовать на реализацию доминантного

² Примечательно, что первоначально функции социального контроля задаются посредством объективации институтов, а необходимость создания дополнительных контролирующих механизмов появляется лишь в случаях неэффективности текущих процессов институционализации.

дискурса с последующей деконструкцией и реконfigurацией традиционных институтов.

В первую очередь навыки и умения создавать интерпретации позволяют индивиду через понимание согласовывать свой жизненный мир с другими мирами, включаться в них и осознавать различные аспекты социальной реальности: «Своя повседневность признается нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяют этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируется как нейтральное. А те, кто покусается на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги. Жизнь в потребительском обществе предъявляет свои требования к выживанию, по-своему жесткие, как и правила кочевников или первобытных охотников. Одно из них — требование нравственной и интеллектуальной адекватности. <...> Ценностно-смысловые предметности, идентичности — все это возникает на стыке жизненных миров, на границе контакта индивидуума и общества» [16, с. 83].

Итак, существование социальной реальности — действующих в ней процессов и явлений — напрямую зависит от того, в какой мере индивиды будут ее осознавать. Но при этом нельзя игнорировать тот факт, что сознание практически любого индивида является социально детерминированным. Реальность процессов и явлений обеспечивается посредством реализации индивидуальных ролей, то есть благодаря типизированному поведению. Только вместе с этим ролям, которые исполняют индивиды в условиях конкретного социального порядка, придается определенный объективный смысл, что и позволяет категорировать их и, позднее, установить характеристики для более адекватного понимания. Таким образом, в соответствии с феноменологической методологией, основу социальной реальности составляет смыслообразующая деятельность индивидов, а выбор их поведения уже зависит от соотношения их действий с конкретными значимостями.

Литература:

1. **Аганов О. Д.** Феноменология: от анализа сознания к анализу социального бытия // Вестник Чувашского университета. Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. 2009. № 1. С. 103—112.
2. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.; URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4783/4788> (дата обращения: 12.03.2020).
3. **Волков А. В.** Феноменология: основные идеи и значение для исторической науки // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб.: ЛГУ, 2008. № 4 (17). С. 77—84.
4. **Гусева О. Ю.** Философская феноменология и феноменология религии: формирование методологии // Известия Саратовского университета. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. 2008. Т. 8. № 1. С. 16—20. (Философия. Психология. Педагогика).
5. **Гуссерль Э.** Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 750 с. (Классическая философская мысль).
6. **Доманов О. А.** Ален Бадью: от онтологии к феноменологии // Ценности и смыслы. 2013. № 3 (25). С. 88—98.
7. **Кирсберг И.В.** Феноменология и феноменология религии: каков общий идейный фон? // Вопросы философии. М.: Институт философии Российской академии наук. 2014. № 8. С. 160—166.
8. **Кожевников Н. Н., Исламгалеев В. Р.** Вклад феноменологии в современную философию // Вестник Якутского государственного университета. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. 2006. Т. 3. № 4. С. 83—89.
9. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджнянавады) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1971. Т. V. С. 345—376.
10. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: монография. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
11. **Пантелеев А. Ф.** Когнитивные стратегии: феноменология // Известия Саратовского университета. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. 2013. Т. 13. № 2. С. 88—93. (Философия. Психология. Педагогика).
12. **Песина С. А. Тарамышева П. С.** Феноменология и естественный язык // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества. 2014. № 13. С. 133—137.
13. **Потапова К. И.** О характере реальности. Очерк социальной феноменологии // Вестник Воронежского

государственного университета. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2016. № 3 (21). С. 180—186. (Философия).

14. **Романов И. Б.** Правообразование с позиций феноменологии права // Право и государство: теория и практика. Королев: Право и государство пресс. 2014. № 7 (115). С. 12—16.

15. **Румянцев Л. Н.** Феноменология и этика // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 2. С. 243—246.

16. **Тимошук Е. А.** Конструирование социальных процессов в феноменологии Питера Бергера // Цифровой ученый: лаборатория философа. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2019. Т. 2. № 3. С. 76—88.

17. **Малкина С. М., Мокин Б. И.** Феноменология как проект: к 150-летию со дня рождения Эдмунда Гуссерля // Известия Саратовского университета. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. 2009. Т. 9. № 3. С. 112—114. (Философия. Психология. Педагогика).

19. Философская энциклопедия: в 4 т. Т. IV. М.: Мысль, 2001. 605 с.

20. **Харитонов Л. А.** Феноменология права: проблемы и перспективы // Юридическая мысль. СПб.: Частное образовательное учреждение высшего образования «Юридический институт». 2007. № 1 (39). С. 28—34.

21. **Шелер М.** Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

22. **Шпигельберг Г.** Феноменологическое движение. М.: Логос, 2002. 608 с.

23. **Ямпольская А. И.** Искусство феноменологии. М.: Рипол-Классик, 2018. 342 с.

22. **Ямпольская А. В.** Эмманюэль Левинас: философия и биография. К.: Дух і літера, 2011. 376 с.

Поступила 06.05.2020

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

References

1. **Agarov O. D.** Fenomenologija: ot analiza soznaniya k analizu social'nogo bytija [PHENOMENOLOGY: FROM THE ANALYSIS OF CONSCIOUSNESS TO THE ANALYSIS OF SOCIAL EXISTEME] // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I.N. Ul'janova. 2009. № 1. S. 103—112.

2. **Berger P., Lukman T.** Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / Per. s angl. E. Rutkevich. M.: Medium, 1995. 323 s.; URL:

<https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4783/4788> (data obrashhenija: 12.03.2020).

3. **Volkov A. V.** Fenomenologija: osnovnye idei i znachenie dlja istoricheskoy nauki // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. SPb.: LGU, 2008. № 4 (17). S. 77—84.

4. **Guseva O. Ju.** Filosofskaja fenomenologija i fenomenologija religii: formirovanie metodologii [Philosophical Phenomenology and Phenomenology of Religion: Making Methodology] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet im. N.G. Chernyshevskogo. 2008. T. 8. № 1. S. 16—20. (Filosofija. Psihologija. Pedagogika).

5. **Gusserl' Je.** Logicheskie issledovanija. Kartezianskie razmyshlenija. Krizis evropejskih nauk i transcendentnaja fenomenologija. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofii. Filosofija kak strogaja nauka. Minsk: Harvest, M.: ACT, 2000. 750 s. (Klassicheskaja filosofskaja mysl').

6. **Domanov O. A.** Alen Bad'ju: ot ontologii k fenomenologii // Cennosti i smysly. 2013. № 3 (25). S. 88—98.

7. **Kirsberg I. V.** Fenomenologija i fenomenologija religii: kakov obshhij idejnyj fon? [Phenomenology and Phenomenology of Religion: what is the General Ideological Background?] // Voprosy filosofii. M.: Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk. 2014. № 8. S. 160—166.

8. **Kozhevnikov N. N., Islamgaleev V. R.** Vklad fenomenologii v sovremennuju filosofiju [Contribution of phenomenology to contemporary philosophy] // Vestnik Jakutskogo gosudarstvennogo universiteta. Jakutsk: Severo-Vostochnyj federal'nyj universitet im. M. K. Ammosova. 2006. T. 3. № 4. S. 83—89.

9. **Mamardashvili M. K., Pjatigorskij A. M.** Tri besedy o metateorii soznaniya (kratkoe vvedenie v uchenie vidzhnjanavy) // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. 1971. T. V. S. 345—376.

10. **Nort D.** Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki: monografija. M.: Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 s. (Sovremennaja institucional'no-jevoljucionnaja teorija).

11. **Pantelev A. F.** Kognitivnye strategii: fenomenologija [Cognitive Strategy: Phenomenology] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet im. N.G. Chernyshevskogo. 2013. T. 13. № 2. S. 88—93. (Filosofija. Psihologija. Pedagogika).

12. **Pesina S. A.** Taramysheva P.S. Fenomenologija i estestvennyj jazyk // Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobacija rezul'tatov issledovanij. Novosibirsk: Centr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva. 2014. № 13. S. 133—137.

13. **Potapova K. I.** O haraktere real'nosti. Oчерk social'noj fenomenologii [The nature of reality. The outlines of social phenomenology] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. 2016. № 3 (21). S. 180—186. (Filosofija).

14. **Romanov I. B.** Pravoobrazovanie s pozicij fenomenologii prava [Right formation from phenomenology positions] // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. Королев: Pravo i gosudarstvo press. 2014. № 7 (115). S. 12—16.

15. **Rumjanceva L. N.** Fenomenologija i jetika // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj

universitet im. N. A. Nekrasova. 2007. T. 13. № 2. S. 243—246.

16. **Timoshuk E. A.** Konstruirovaniye social'nyh processov v fenomenologii Pitera Bergera [CONSTRUCTION OF SOCIAL PROCESSES IN PETER BERGER'S PHENOMENOLOGY] // Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosa. Nizhnij Novgorod: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo. 2019. T. 2. № 3. S. 76—88.

17. **Malkina S. M., Mokin B. I.** Fenomenologija kak proekt: k 150-letiju so dnja rozhdenija Jedmunda Gusserlja [Phenomenology as Project: to 150th Anniversary of E. Husserle] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N.G. Chernyshevskogo. 2009. T. 9. № 3. S. 112—114. (Filosofija. Psihologija. Pedagogika).

18. Filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. T. IV. M.: Mysl', 2001. 605 s.

19. **Haritonov L. A.** Fenomenologija prava: problemy i perspektivy // Juridicheskaja mysl'. SPb.: Chastnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Juridicheskij institut». 2007. № 1 (39). S. 28—34.

20. **Sheler M.** Izbrannye proizvedenija. M.: Gnozis, 1994. 490 s.

21. **Shpigel'berg G.** Fenomenologicheskoe dvizhenie. M.: Logos, 2002. 608 s.

22. **Jampol'skaja A. I.** Iskusstvo fenomenologii. M.: Ripol-Klassik, 2018. 342 s.

23. **Jampol'skaja A. V.** Jemmanjujel' Levinas: filosofija i biografija. K.: Duh i litera, 2011. 376 s.

Submitted 06.05.2020

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), nickravochkin@mail.ru